

ТАЗЕТА ШЕБУЕВА

№ 9

СОДЕРЖАНІЕ:

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ. — АНКЕТА. Н. ГЕОРГІЕВИЧЪ. — НЕГАТИВЫ. — ИСТИННО-РУССКАЯ БОГОРОДИЦА. — НАТУРА. — СВОБОДА И ЖИЗНЬ. — ТЮРЬМОВЪДѢНІЕ. — ЦВѢТЫ ТЮРЬМЫ. — МУЗЫКА. — МУЗЫКАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА. В. СЕНИЛОВЪ. — КАКЪ ХОРОШИ КАКЪ СВѢЖИ БЫЛИ РОЗЫ. Н. ШЕБУЕВЪ. — ТЕАТРЪ. — ВѢЧНАЯ СКАЗКА. Н. ГЕОРГІЕВИЧЪ. — ФЕЛЬЕТОНЪ. — ВИКТОРЪ. Н. ШЕБУЕВЪ. — СКАЗКИ. — СКАЗОЧКА О МЕТРАНПАЖѢ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГАЗЕТЫ. ГРАФЪ БЕНГАЛЬСКІЙ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаю читателей, что вынужденъ увеличить цѣну на мою газету.

Мечталось о дешевой газетѣ, сильной своей дешевизной.

И не только мечталось: мечты укладывались въ цифры смѣты. Казалось можно вести дѣло при тиражѣ въ 15 тысячъ.

Но дѣйствительность разрушила мои смѣлыя предположенія и доказала, что при современномъ положеніи типографскаго дѣла и

при тиражѣ въ 15 тысячъ невозможно сколько нибудь прилично иллюстрированное издание въ краскахъ за 5 копѣекъ.

Мнѣ тяжело отказываться отъ половины своей аудиторіи (—вѣдь для половины читателей гривенникъ безспорно окажется слишкомъ высокою цѣною), но повторяю, я вынужденъ это сдѣлать.

За то теперь я получу фактическую возможность нѣсколько улучшить внѣшность газеты.

АНКЕТА.

Тѣ несчастные, письма которыхъ я получалъ въ ужасающемъ количествѣ, достойны самаго глубокаго сожалѣнія. Они могутъ сказать про себя.

Наше поколѣніе женщины не знаетъ. Дѣва стала сказкой миновавшихъ лѣтъ.

На вопросъ:

— Какую роль играла первая любовь?

Всѣ отвѣчаютъ:

— Никакой!

Ея не было, первой любви.

Значить, не было и второй, и третьей любви.

И вообще не было любви. Была только чувственность, но не чувство.

Можно жалѣть.

Должно помочь.

Но не возможно винить въ этомъ молодежь.

Нѣтъ болѣе сильной силы, чѣмъ половой инстинктъ.

Его не потушишь словами, не уберешь анализомъ, не отодвнешь благоразуміемъ.

Въ мирѣ есть царь. Этотъ царь безпощаденъ. Голодь названье ему!

Половой голодь такой же всемогущій царь, какъ желудочный голодь.

Въ 14—15 лѣтъ приближается онъ, охватываетъ ребенка со всѣхъ сторонъ, производитъ переоцѣнку всѣхъ цѣнностей.

И—совершается паденіе. Оно не можетъ не совершиться, по

ПРЕДВЫБОРНАЯ АГИТАЦІЯ.

ГАЗЕТА ШЕБУЕВА

ВЫХОДИТ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ И ЧЕТВЕРГАМ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 20 НОМЕРОВ ОДИН РУБЛЬ
С ДАВАНЬЮ И ПЕРЕСЫЛКОЙ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ: НА ВТОРОЙ СТРАНИЦЕ ПО 60 КОП,
НА ПОСЛЕДНЕЙ ПО 30 КОП. ЗА СТРОКУ НОНПАРЕЛЯ.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ И РЕДАКЦИИ: КОВЕНСКИЙ, 14
КОНТОРА ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО ОТЪ 11 ДО 4 Ч. ДНЯ. ТЕЛЕФ. 41-43.

ВЪ КОНТОРЪ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ СЛѢДУЮЩАЯ ИЗДАНИЯ Н. Г. ШЕБУЕВА:

ВСЪ ВЫШЕДШЕ НОМЕРА ГАЗЕТЫ ШЕБУЕВА ПО 5 КОПЕЕКЪ.
№№ 2, 3 и 4 „ПУЛЕМЕТЪ“ ПО 10 КОП., СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ 15 КОП.
ВЫПУСКИ 1, 2 и 3 „СОЧИНЕНИЯ ШЕБУЕВА“ ПО 13 КОП.
СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ 20 КОП. ЗА ВЫПУСКЪ
КНИЖИ: 1) „БЕЗЪ ПРЕДЕЛАТЕЛЬ ЦЕНЗУРЫ“—35
ЦЕНА КАЖДОЙ КНИЖИ 1 Р. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.
ОСТАЛЬНЫЯ ИЗДАНИЯ РАСПРОДАНЫ.

ПЕРВЫЙ НОМЕРЪ „ГАЗЕТЫ ШЕБУЕВА“ ВЫШЕЛЪ ВТОРЫМЪ ИЗДАНИЕМЪ.

тому что оно слѣдствие стихійныхъ причинъ.

Половой голодъ—vis major.
Vis maxima!
Посмотримъ, какъ борются съ него дѣти.

И какъ погибаютъ.
«Я студентъ. Мнѣ 21 годъ. Мое первое паденіе произошло при самыхъ обычныхъ условіяхъ и обстановкѣ, какія я впоследствии наблюдалъ въ жизни. Мнѣ тогда было около 14 лѣтъ. Я попалъ въ среду, ужасную для такого возраста. Мои товарищи въ этомъ отношеніи уже были людьми опытными и поэтому никогда не переставали говорить объ одномъ и томъ же. Для меня это было что то новое, неизвѣданное, глаза у меня загорались особымъ блескомъ, весь, бывало, дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ и, помню, не разъ они переминивались между собой на мой счетъ. Я убѣгалъ изъ дому, отъ занятій, не былъ по цѣлымъ днямъ и только любилъ стоять съ ними и говорить, говорить безъ конца. Это было своего рода вакханалій. Наконецъ, въ одну изъ такихъ бесѣдъ они мнѣ объявили, что мы сейчасъ отправимся «туда». Помню, какое ужасное впечатлѣніе произвело на меня все это. Я чуть было не упалъ въ обморокъ. (Это было въ одномъ очень маленькомъ городкѣ южнаго края). Помѣщеніе было тѣсное. Въ одной комнатѣ совершалась эта гадость всѣми и здѣсь же ожидали прибывающіе гости. Только стыдъ передъ товарищами заставлялъ меня пасть. Домой я пришелъ какъ въ кошмарѣ. Родители, видно, замѣтили что-то неладное и меня скоро увезли куда-то. Съ тѣхъ поръ я больше не сблизился съ женщиной, но у меня осталась ужасный порокъ, которому научили меня тѣ же товарищи. Сколько не борюсь теперь съ этимъ порокомъ—я безуменъ. Когда у меня есть какая-нибудь интересная работа, когда бываетъ у меня нравственный подъемъ, я еще въ силахъ бороться и воздерживаюсь, но стоить случиться чему-нибудь для меня неприятному, стоить мнѣ остаться безъ уроковъ, поголодать день-другой, и я опять теряю надъ собою влѣкъ».

«А вотъ и еще письмо. Соблю его писалъ старшій братъ предавшаго».

«Я человекъ погибавшій».

«Я жажду жизни, потому что мнѣ такъ страстно хочется жить и потому, что очень мало жила. Я не успѣлъ еще познать собственной жизни и мнѣ хочется жить. Я вижу себя угасающимъ, вижу, что жизнь моя таетъ, какъ снѣгъ отъ огня, вижу сознательно, что жизнь удаляется отъ меня медленно, оставляя плоды торжества разочарованія и раскаянія, и этимъ еще больше усиливаетъ мое желаніе—жить».

Теперь, когда я лежу на койкѣ въ безпомощномъ состояніи, всякому юношѣ, начинающему жить и желающему познать смыслъ жизни, даю свой душевный совѣтъ: не злоупотребляй жизнью, избѣгай животной жизни!... Это пагуба и путь ея—погибель. Я стою на этомъ пути и—увелъ очевидно, безъ возврата назадъ.

Я имѣю отъ роду 22 года. Наступилъ, третій годъ съ тѣхъ поръ, какъ я страдаю параличемъ нижнихъ конеч-

ностей, зависящимъ отъ органическаго поражения спинного мозга.

Цѣлый годъ я лежу на постели, какъ прикованный къ ней роковыми цѣпями и постепенно вяну, какъ цвѣтокъ, корень котораго подтачиваетъ червь.

Въ полномъ сознаніи видѣть себя угасающимъ и сознавать свои ошибки, которая никогда не поправимы... О! это ужасно. Но довольно... Я не желаю никакого сожалѣнія, не желаю привлекать желаніе постороннихъ къ своей тяжести страданія, потому что это будетъ слишкомъ горькія впечатлѣнія, не могу высказать накопившейся горечи, да я и не хочу этого. Это дѣйствительно трудно, но кто же въ этомъ виноватъ?

Первый виновникъ я, а далѣе—условія жизни, въ которыхъ я находился.

Съ 17 лѣтъ я почувствовалъ половую страсть, увлекся миловидной дѣвушкой и хотѣлъ жениться, несмотря на то, что не былъ обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи—я расчитывалъ на свой трудъ. Но родители не допустили до этого. Имъ не понравилась бѣдная невеста. Они парализовали мою первую любовь, но они не виноваты въ этомъ, (а можетъ быть и виноваты), такъ какъ я самъ отъ себя прогналъ звуки разума и предавался животному инстинкту, который требовалъ отъ меня ощущенія и удовлетворенія половой страсти. По отношенію послѣдней я пережилъ всякія мерзости и грязи, и въ концѣ-концовъ, достигъ венерической болѣзни. Спустя два мѣсяца послѣ излѣченія этой болѣзни, я сталъ замѣчать слабость во всемъ своемъ организмѣ, но въ особенности въ ногахъ и поясницѣ. Сталъ энергично лѣчиться, но увылъ ничего не помогло. Слабость эта вымотала изъ меня все—силу, трохи или, можно сказать, деньги, которая я, будучи здоровымъ, приобрѣталъ трудомъ и собиралъ на черной день—и, разнравясь все болѣе и болѣе, эта пагуба воарилась во мнѣ, парализовала мою молодую, физическую силу и характеръ. Конечно, это процессъ разложенія, но вѣдь я знаю, что онъ явился на венерической почвѣ, и не болѣе какъ черезъ годъ загналъ меня въ одну изъ городскихъ больницъ, гдѣ я и нахожусь до сихъ поръ въ самомъ жалкомъ видѣ».

Въ течение года я перевидалъ многихъ нервно-больныхъ въ больницѣ, и оказывалось, что больше всего такихъ, у которыхъ процессъ нервной болѣзни явился на венерической почвѣ. Я часто видѣлъ умирающихъ больныхъ, которые невыразимо страдали, издавали слабый звукъ стоны и, скрипя зубами, приговаривали: «Нѣтъ! тутъ никто другой не виноватъ... Мы сами себя враги—И они умирали въ ужасныхъ страданіяхъ».

Простите, что не могу логичнѣе изложить».

И много, очень много такихъ писемъ. Каждый описываетъ только свою жизнь. А оказывается, что онъ описалъ... жизнь брата.

Не буду больше приводить этого сырого материала.

Обращу лучше вниманіе на прекрасное письмо капитана, гдѣ ярко и кратко подведены нѣкоторые итоги.

Н. Г. ШЕБУЕВЪ ПРИНИМАЕТЪ ЕЖЕДНЕВНО ОТЪ 11 ДО 12 Ч.
КОВЕНСКИЙ, 14. ТЕЛЕФ. РЕДАКЦИИ 41-43. ТЕЛЕФ. ТИПОГРАФИИ 216-08.

«Тотъ тяжелый и важный вопросъ, который взоросли въ вашей анкетѣ о половой жизни, пожалуй, даже слишкомъ тяжелъ и важенъ для газетной литературы. Онъ связанъ непосредственно съ рядомъ проблемъ социальныхъ, моральныхъ, даже философскихъ».

Философію оставлю; скажу только одно—половой инстинктъ играетъ въ жизни организмовъ вообще, а человека въ частности такую основную стихійно-влиятельную роль, что для взгляда изслѣдователя, остановившаго на немъ свой анализъ, открываются изумительная, безконечно далеко идущія перспективы».

Otto Weininger, авторъ замѣчательной книги «Geschlecht und Charakter», человекъ въ жизни котораго половой вопросъ сыгралъ можетъ быть рѣшающую роль, свѣдѣлъ этотъ вопросъ исходной точкой яркаго изслѣдованія, которое можетъ вызвать скептическую улыбку у профессора философіи, но несомнѣнно глубоко заинтересовать человека, «изумленно и проникновенно» смотрящаго на жизнь съ ея уродствами и чудесами, подъ которыми темнымъ фономъ сквоятся тѣ непреодолимая, иррациональная сила, которая остается въ философской реторикѣ послѣ анализа философа-психолога.

Несомнѣнно, половой инстинктъ принадлежитъ къ этимъ силамъ. Несомнѣнно, онъ съ несокрушимой прочностью вложенъ природой въ человека и дѣйствуетъ съ такой же необходимостью, какъ законъ тяготѣнія, и несомнѣнно, что самъ по себѣ онъ не есть зло, какъ не есть зло тяготѣніе тѣла. Половой инстинктъ дѣлаетъ свое великое дѣло—половой инстинктъ правъ. Зло ему не имманентно, зло вносится въ него человекомъ подъ давленіемъ извнѣ».

Но гдѣ же начинается грязь, гдѣ начало того болота, въ которомъ роковымъ образомъ попадаетъ человекъ, незамѣтно сходя съ твердой почвы закона природы, попадаетъ такъ основательно, что обыкновенно не вырывается сослѣвъ и попадаетъ съ такой естественностью и необходимостью, что даже какъ-то не удивляется, и часто весьма остается доволенъ, какъ бываетъ доволенъ человекъ, вставшій наконецъ на путь общепринятаго и благоустроеннаго.

Жизнь искажена! Скупенные и спрессованные въ огромныхъ городахъ люди копошатся, какъ черви въ гниющей тушѣ. Живутъ безъ воздуха и свѣта, безъ дѣтвоты и солнца, въ безобразныхъ ящикахъ по многу сотъ и даже тысячъ вмѣстѣ. Живутъ одни—какъ конючные ослы, днемъ вытягивая силы, ночью возвращаясь въ душную узкія стойла; другие—сидящіе наверху пирамиды, либо мечутся какъ тѣ кретины, которые гонятъ, высунувъ языкъ, въ велелоромахъ съ цѣлью побить рекордъ, либо бьются съ жиру, нарощеннаго систематическимъ кревоуголемъ».

Въ спертой затхлои атмосферѣ «культурныхъ центровъ» растутъ поколѣтніе измочаленныхъ, издерганныхъ людей, съ какой-то полдозерительной свороткой вмѣсто крови въ жилахъ».

Природа! Что это—дача?

Здоровая, сильная жизнь, въ которой естественно и ярко развертываются бы все безчисленныя возможности души человеческой давно стала невозможной,—теперь чеховскіе герои мечтаютъ о такой жизни черезъ двѣсти лѣтъ».

Въ рабочихъ кварталахъ подъ давленіемъ безобразной нищеты, въ одной комнатѣ поселяются 3—4 семьи. Мужья, жены спятъ, отдѣленные пара отъ пары тонкой занавѣской. Тухлая атмосфера, духота и возбужденіе одной пары другой; тутъ же часто и не спятъ дѣти».

Тоскующему взору зачастую всѣ стѣны всѣхъ болѣе или менѣе грязныхъ домовъ города кажутся тонкими занавѣсками».

За ними, за этими занавѣсками люди съ истребленными чувствами и съ выродившимся въ похоть инстинктомъ находятъ новое поколѣтніе, которое рано видитъ то, что онъ него усиленно, какъ признанную грязь, скрываютъ, раздранными нервами рано начинаютъ чувствовать всю притягательную силу этой грязи, которая стала грязью только благодаря тому, что грязь пропитала все—землю и воздухъ, и забралась даже въ души».

Съ болѣе и гнѣвомъ чувствовали лучшие гени человечества ту странную бездну, которую перекрываетъ съ безумнымъ легкомысліемъ современная жизнь. Они уходили въ лѣса и пустыни, уединялись на вершинахъ мысли съ истекающей кровью душой, съ горящей отчаяніемъ головою. Умеръ въ безуміи Ницше, прожилъ всю жизнь въ одиночествѣ Ибсенъ. Одинокъ Толстой».

Назрѣваетъ нарывъ, тѣло человечества болѣно, нужны новыя цѣлебныя родники, нужно новое воскресеніе. Воздухъ зараженъ запахомъ разлагающихся труповъ. Они жили, эти герои, теперь они отравляютъ жизнь живущимъ. Когда-то они были вызваны необходимостью,—теперь необходимо убрать пагаль».

Созанье, живяне полезно, благотворно—Когда-нибудь умретъ. Душа его оставитъ, и падалью гниющей станетъ тѣло, Чтобъ заражалъ зловоніемъ чистый воздухъ Грядущей жизни».

Мальчики и юноши, представители вырождающагося строя, которые пишутъ вамъ письма и просятъ назвать врача, могущаго излечить ихъ отъ одолевшаго ихъ порока, едва-ли радикально излечатся у кого бы то ни было».

Инстинктъ такъ непреодолимо могучъ, удовлетвореніе его такъ легко, такъ азѣрски логично, что взамѣтъ одного юноши съ подчиненной можетъ быть гипнотизеромъ волей, каждый день возникаетъ двое такихъ же, которые сдѣлаютъ работу безплодную».

Нѣтъ, тутъ ничего не подлаешь ни врачеваніемъ, ни бѣльемъ въ грудь. Можетъ быть одному-другому удастся загнать своихъ свиней изъ бѣснующаго тѣла въ ограду истерическаго, твердаго рѣшенія—это не убьетъ свиней».

Судорожное, лиобострастное тяготѣніе къ неизвѣданному, темному, ко всему раздѣтому и еще болѣе ко всякому раздѣванью,—остается. Можно отрубить руку, которая тянется разстенуть лифъ у дѣвочки, изображающей спящую, можно отвести глаза, но внутренне коситься все-же будешь,—внутренне весь перекосишься».

Въ Николай Георгіевичъ называетъ ужаснымъ письмо юнкера о страшныхъ эксцессахъ, которые имѣютъ мѣсто въ неестественныхъ заведеніяхъ, специально приспособленныхъ для казненія мальчиковъ оптомъ и съобомъ взаимнаго воздѣйствія; могу Васъ увѣрить, это письмо пустякъ въ сравненіи съ тѣмъ, въ которомъ описываются чувства мальчика, воронки, съ замирающимъ добирющагося до прелестей женскаго тѣла. Тутъ действительно нѣчто глубоко характерное. Вотъ онъ, этотъ невнятный, глупый мальчикъ, «не понимающій», какъ молодой крестьянинъ у Толстого въ «Крепости», вѣдь онъ никому ничего не скажетъ, его никто и не спроситъ, а разбуженное чувство потянетъ его и проторенной дорогой черезъ тысячи скользящихъ «удобныхъ случаевъ», услужливо распыленныхъ по улицамъ и домамъ города, доведетъ до публичнаго дома. Скрытая повсюду грязь пристанетъ къ нему и онъ покорится ей власти и будетъ ее стыдливо скрывать до поры до времени».

Ну, а тамъ дѣло станетъ привычнымъ и въ пору, во время, онъ нагло вывернетъ наружу эту грязь или возопіетъ, бля себя въ грудь. Большинство однако не вопіетъ и съ чувствомъ нѣкой правоты барахтается въ грязи, затягивая систематически въ эту грязь тѣхъ несчастныхъ эмигрантовъ деревни, которые слѣпой волей жестокой, никому не поддающей жизни, какъ слабые и беззащитные, оттѣсняются отъ всякихъ правъ и растаптываются въ навозъ для удобренія жизни сильнѣйшихъ».

Только когда новая буря принесетъ новую жизнь, засыплетъ пылью трупы при дорогѣ и очиститъ воздухъ, только тогда половой вопросъ можетъ быть поставленъ въ серьезъ. Теперь возможны лишь отдѣльные удачные результаты у отдѣльных умныхъ экспериментаторовъ-опцовъ, которые сумѣютъ поддержать колѣблющихся юношей въ пору слабой воли и сильной, потому что новой страсти. Капитанъ».

Р. С. Я сознаю, что намётить, только блѣдный контуръ мысли. Письмо можетъ Вамъ, Николай Георѣвичъ показаться общимъ мѣстомъ, но мнѣ кажется, что напечатавши его, вы дадите нѣкоторый толчекъ къ болѣе широкой постановкѣ вопроса. Я хотѣлъ бы, чтобы мнѣ возражали. Я не догматикъ и не хочу во что-бы то ни стало подъ одну мѣрку подгонять всякій вопросъ. Думаю, что если дѣло ограничится перечисленіемъ биографическихъ данныхъ болѣе или менѣе пикантныхъ, то дѣло кончится тѣмъ, что спросъ на вашу уважаемую газету подымется благодаря любителямъ сала подъ какимъ угодно соусомъ, хотъ подъ научнымъ. Боже упаси вашу газету отъ такой удачи.

Вполнѣ согласный со многими высказанными авторомъ этого письма положеніями, я оставляю за собой право со временемъ оспорить нѣкоторыя частности.

Я очень желалъ бы, чтобы письмо Капитана вызвало споръ, полемику между читателями, и охотно отвѣду ей мѣсто.

Равнымъ образомъ я очень желалъ бы, чтобы дѣвушки и женщины отозвались на письмо г. Смоленскаго, помѣщенное ниже.

Я никогда не думалъ ограничивать анкету мужчинами.

Женщины сами себя ограничили. И напрасно.

Выбѣстъ съ г. Смоленскимъ предлагаю мнѣ высказываться по намѣченнымъ ниже вопросамъ.

«Первый вопросъ, который пришелъ мнѣ въ голову, когда я прочелъ въ 6-мъ № Вашей газеты статью Вашу «Грѣшная Грѣшница» и объявленіе анкеты по половому вопросу, былъ слѣдующій:

«Почему всѣ анкеты, предпринимавшіяся до сихъ поръ по этому вопросу, ограничивались мужчинами и не распространялись на женщины?»

Признаюсь—я не понимаю этого ограниченія.

Если намъ интересно и важно получить возможно большее количество отвѣтовъ на вопросы, поставленные Вами, отъ гимназистовъ, студентовъ, интеллигентовъ, крестьянъ, то не менѣе важно и интересно было бы поставить передъ гимназистками, институтками, курсистками, женщинами-врачами, писательницами, проститутками и домашней женской прислужкой рядъ приблизительно такихъ вопросовъ:

1) Въ какомъ возрастѣ получили онѣ первую свѣдѣнія о половыхъ отношеніяхъ?

2) Отъ кого получили онѣ эти свѣдѣнія: отъ родителей или отъ подруги и товарищей?

3) Въ какой формѣ: въ научной или научно-популярной или въ другой, соблазнительной?

4) Какое вліяніе имѣла на половую жизнь и представления о половыхъ отношеніяхъ гимназія, или, вообще, учебное заведеніе?

5) Занимались ли онѣ тайными пороками и что послужило причиной этого?

6) Какія были причины заботлвванія венерическими болѣзнями?

Я намѣтилъ только приблизительную форму и содержание вопросовъ, распространить которые можно, разумѣется до безконечности.

Я исхожу въ своемъ желаніи расширить анкету и на женщинъ изъ того глубокаго убѣжденія, что женскія учебныя заведенія, по царской тѣмъ грязи, по числу дѣвочекъ, предающихся тайнымъ порокамъ, по количеству такъ называемыхъ «развивательницъ» (умудренныхъ опытомъ и знаніями дѣвочекъ, вкладывающихъ эти «знанія» подругамъ), мало чѣмъ (а, можетъ быть, и ничѣмъ) не отличаются отъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Въ литературѣ этотъ вопросъ мало или совсѣмъ не разрабатывался, и первичныя причины преждевременной развращенности и склонности къ половымъ порокамъ и половой психопатіи нашихъ сестеръ и дочерей до сихъ поръ не скрыты.

Н. ГЕОРГІЕВИЧЪ.

ИСТИННО-РУССКАЯ БОГОРОДИЦА.

Нѣкто А. За—въ, шесть лѣтъ пробывшій въ охтенской сектѣ, издалъ предлобпытѣйшую монографію объ Истинно-русской богородицѣ Дарьѣ Смирновой. Заинтересованію оттуда нѣкоторыя анографическія свѣдѣнія.

Какъ и прилично истинно-русской богородицѣ она жена стаишаго дворника. Это по тѣлу.

По духу же она весьма высокаго званія,—дочь и жена (—въ нашихъ сектахъ дочь и любовница синонимы) самого Христа Новодеревенскаго—Петра Куприанова Обухова.

Это было въ самый разгаръ его богванія.

Она была его поклонницей.

Но вотъ ей надобло смотреть, какъ богуютъ другіе и въ одинъ прекрасный день она объявила себя богородицей.

И Христосъ-Обуховъ остался на мели. Поклонниковъ не стало,—они перешли къ новой, модной богородицѣ.

А за ними исчезъ и собственный домикъ Обухова.

Но за то появился домикъ у его соперницы.

Обухову пришлось снова мечтать о мѣстечкѣ дворника.

За то Дарья Смирнова изъ худенькой, щупленькой малюночки скоро путемъ добротныхъ даяній превратилась въ жирную, толстую, истинно-русскую богородицу.

У нея на дому на Охтѣ, собираются за самоваромъ, апостолы: Шеметовъ, Оленичевъ, Лессихинъ, Авдѣевъ; Соколовъ, Таратухинъ, Борисовъ, Кулачевъ, Глазуновъ, Шекинъ, Шустовъ, Людинъ,—все истинно-русскіе люди.

И истинно-русскія жены муроносицы: Чистякова, Иванова, Анипокъ, Лессихина, Аленичева, Борисова, Авдѣева, Арханова, Забѣгалова, Людина, Давидова.

Одна изъ муроносицъ называется попросту Довна Нянька.

Всѣ эти лица и ихъ приближенныя до такой степени считаютъ себя святыми, что за грѣхъ почитаютъ даже разговоръ съ православными.

Вопреки евангельской заповѣди, эти сектанты исповѣдуютъ равнодушіе къ ближнимъ.

Не слѣдуетъ любить даже ближняго. Любить можно только богородицу и ея дѣтей Петю, Маню и Сережу.

Хотя они и рождены отъ дворника, но считаются «наслѣдниками престола вышняго царя небеснаго».

На дому же происходятъ и священнослуженія, въ которыхъ прославляется богородица.

Во время «трапезы» апостолы становятся по обѣимъ сторонамъ ея кресла и начинаютъ славословіе:

Къ тебѣ, о матеръ пресвятая Дѣрзая воззвѣститъ свой гласъ. Лицо слезами омывая, Услышь меня въ сей скорбный часъ. Прими горячее моленье Мой духъ отъ бѣды и золь набавь, Пролей ми въ сердце умиленье. На путь спасенія наставь. Да буду чуждъ своей я волѣ, Готовъ для Бога все терпѣть. Покровомъ будь ми въ тяжкой долѣ, Не дай съ печали умереть.

Апостолы Василій Аленичевъ и Прокопій Лессихинъ, стоятъ зади кресла богородицы и кромѣ своего апостольскаго званія титулуются Серафимами.

Эти истинно-русскіе безкрылые серафимы, по обличью походятъ на старшихъ дворниковъ.

Премьеръ-апостолъ Денисъ Шеметовъ и предсѣдатель комитета апостоловъ

Иосифъ Обручникъ садятся рядомъ съ богородицей.

Первый—одесную, второй—ошую.

Между апостолами все время идетъ рознь и сvara на почвѣ ревности къ богородицѣ.

Спальня Дарьи Смирновой называется «алтаремъ преставай богородицы».

Чистоту алтаря, блюдетъ апостолъ Шеметовъ.

Онъ не позволяеть засиживаться и залеживаться въ алтарѣ не только апостоламъ, но и Смирнову,—мужу богородицы.

Въ одно изъ столкновеній Шеметова со Смирновымъ, первый потерялъ половину своей бороды.

Во время трапезы присутствуютъ и жены муроносицы.

Онѣ подбираютъ крохи, которыя нечаянно и умышленно падаютъ изъ рукъ богородицы.

Подбираютъ и косточки отъ дичи и скорлупу отъ яицъ и складываютъ ихъ какъ драгоценности въ свои сундуки.

Этими крохами причащаются. А этими косточками и скорлупками торгуютъ какъ святынями.

Если богородица вымоетъ руки въ ковшикъ, ея приближенныя изъ за этой воды чуть не дерутся и хотя эта вода мыльная и грязная вырываютъ ковшикъ другъ у друга и выпинаютъ дочиста.

«Есть и такія мироносицы, что ея... пьютъ и моются ею, что только творится—ужасти!»

Чудотворной считается и вода въ которой Дарья приняла ванну.

До чего доходятъ «ужасти», наивно рассказываетъ авторъ монографіи.

Дѣло было на одномъ изъ радѣній на Малой Охтѣ въ домѣ № 22, по Глухой улицѣ.

Причались... газетой!

Богородица взяла газетный листъ, разорвала его и раздала присутствующимъ.

«Приближенные начали съ дракою хватать эту рваную на куски бумагу, и началъ ѣсть и всю сѣли до единого кусочка, и до чего же все это глупо, что смотрѣть огорчительно, со стороны можно ихъ всѣхъ съчесть глупыми, въ особенности когда ѣли бумагу съ такой жаждностью и крикомъ, что на пожаръ.

Потомъ всѣ святыя притихли послѣ бумажной вѣды, богородица обратилась къ нимъ, кто первый взялъ бумажку и ѣлъ. Одинъ нашелся старый пашковскій проповѣдникъ Сычевъ Иванъ: я матушка.

Молодежь старикъ, похвалила богородица, ты не прозвѣвалъ, такъ не зѣвай, держи и царствіе небесное».

Впрочемъ это не постоянное причащеніе.

Обыкновенно причащаются такой гадостью, что я не нахожу обиняка, чтобы ее назвать.

Лишь бы эта гадость исходила изъ тѣла богородицы,—древа жизни, т. е. Дарьи Смирновой.

По мнѣнію поклонниковъ ея, такъ повелѣваетъ дѣлать святое евангеліе: «Древо жизни, приносящее 12 разъ въ годъ плодъ свой»...

Это, дескать, Дарью Смирнову Евангеліе въ древо жизни произвело.

И въ буквальный смыслъ толкуется, «12 разъ въ годъ».

Въ слѣдующемъ номерѣ, я укажу какъ легко заботовать и задѣлаться истинно-русскимъ Христомъ (—Василій Аленичевъ).

А теперь обращу вниманіе читателей на общественное значеніе той тѣмы, которая охватила весь окрестъ.

Истинно-русская ночь!..

И всюду, всюду ночь...
Шерлокъ Холмсъ — положительный идеаль истинно-русскаго челоѣка въ истинно-русскомъ театрѣ Суворина.
Старшая дворничиха—идеальная истинно-русскаго богородица...
Передъ домомъ истинно-русской Эстеръ истинно-русскіе люди поютъ «Спаси, Господи, люди твоя»...

Н. ГЕОРГІЕВИЧЪ

СВОБОДА И ЖИЗНЬ.

† 4 Дек. 1906 г.

Въ этотъ понедѣльникъ не вышла понедѣльная газета «Свобода и Жизнь».

Публика такъ привыкла къ этимъ живо и интересно составленнымъ номерамъ, что чувствовала себя не по себѣ.

Кромѣ массы фельетновъ, въ газетѣ помѣщались телеграммы и хроника.

Это было вопреки постановленію союза рабочихъ печатнаго дѣла и очень раздражало г-жу Рубинчикъ.

Это дѣйствительно энергичная и достойная уваженія женщина, все время точила зубы на эту газету.

Такъ что, когда газета не вышла, публика рѣшила:

— Эта дѣло рукъ союза наборщиковъ! Наконецъ—таки онъ, увы, побѣдилъ послѣднюю прогрессивную газету...

Но публика ошиблась.

Газета побѣждена не г-жей Рубинчикъ, а г. градоначальникомъ.

Онъ тоже былъ недоволенъ «Свободой и жизнью».

И вотъ—закрылъ ее.

Г-жа Рубинчикъ, поздравляю васъ съ новой побѣдой.

Но какая богатая иллюстрація къ моему статьѣ о праздничномъ отдахѣ эта смерть газеты.

Н. Ш.

НАТУРА.

— Во всемъ виновата натура!

И вотъ академія художествъ закрыта. Исторія вопроса до нельзя примитивна.

Въ классѣ профессора Савинскаго и Творчинова не такъ была поставлена натура.

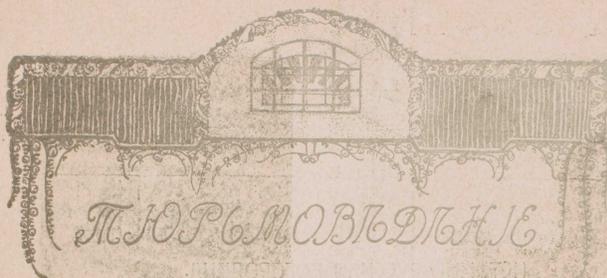
Ученики хотѣли ее переставить. Савинскій запротестовалъ, видя въ этомъ покушеніе на его профессорскія привилегіи.

— Тогда мы въ присутствіи профессора ми переставили натуру, потому что Савинскій старикъ, ставитъ натуру по допотопнымъ образцамъ. Скучно. Неинтересно.

Изь-за этого и разгорѣлся сыр-боръ. Пошли засѣданія, сходы, совѣщанія... и въ результатѣ закрыта академія.

— Во всемъ виновата натура!

Да, натура г. Савинскихъ и членовъ Совѣта, ихъ же имена Ты вѣси, Господи.

ЦВѢТЫ ТЮРЬМЫ.

XVII.

Мнѣ сегодня такъ взгрустнулося,
Не читается, не пишется,
Что-то старое проснулося.
Всюду милый голосъ слышится...
Только вспомню это пѣніе
И Гуно аккорды первые,—
Съ нихъ мы начали сближеніе,—
Удержать не въ силахъ нервы я.
Съ дѣловой, серьезной миною,
Чуть ли даже не сердитою,
Ты пошла со мной въ гостиную.
— «Ну-съ, я буду Маргаритою!»
«Жилъ-былъ въ Оулѣ царь...» и звуками
Все вокругъ озолотилося,
Сердце сладостными муками
Сжалось... и сильнѣй забилося...
Не могу писать... Не пишется...
Пусто... Тяжко... Сердце вынуди...
«Жилъ былъ въ Оулѣ царь...» все слы-
шится.
Не могу я... слезы хлынули...

У себя въ дому одна...
За луной луна дѣвчалась
Безконечной чередой.
Вдругъ, о радости!—Онъ явился
Смѣлый, гордый, молодой.
Онъ упалъ въ ея объятія,
Сердце радостно стучить:
— «Мы съ тобой навѣки вмѣстѣ,
Насъ никто не разлучитъ!»
Въ дни тяжелыхъ испытаній,
Въ дни насмѣшекъ, сплетень, лжи,
Гдѣ нашла мнѣ вѣрить силы
Ты желанная? скажи!»
— «Я твои читала письма
Орошала слезъ рѣкою...
Я въ писани находила
Вѣру, счастье и покой!»
Въ синагогѣ, возлѣ бимы,
Отъ мизраха не вдали,
Съ старымъ шамесомъ такую
Мы бесѣду завели.
Онъ воскликнулъ:—О, Израиль,
Это ты—Сіона Дщерь,

Полной тайнъ, чудесъ, красотъ,
Вмѣстѣ съ Тафесомъ и Раши ?)
Съ гордой вѣрой Бога ждетъ.
Онъ придетъ, Господь, и спроситъ:
— «Дочь Сіона, встань, скажи,
Гдѣ нашла ты вѣрить силы
Въ дни гоненій, брани, лжи?»
И возстанетъ дщерь Сіона,
И рѣчетъ ему въ отвѣтъ:
— «Я писаніе читала,
Изучала Твой Заветъ!»

Ты, Ревекка, дочь Сіона.
Я—твой вѣрный Бенціонъ.
Мы—въ разлукѣ. Сколько сплетень
Слышишь ты со всѣхъ сторонъ:
— «Онъ за годъ тебя разлюбитъ:
Для поэта вѣчность—годъ!»
Дочь Сіона, вѣрь лишь письмамъ,
Что диктуютъ дни невзгодъ.
Изучай въ моемъ писани
Каждый слогъ и каждый стихъ.
Не бери лишь, кромѣ сердца,
Комментаторовъ другихъ.

XIX.

Все вокругъ закрыла тьма полночная.
Не звенятъ тюремщиковъ ключи.
И моя каморка одиночная
Одиночнѣй кажется въ ночи.
Я одинъ, одинъ съ моею тревогою,
Поводъ важный для нея весьма.
Подозрѣній черныхъ раны трогаю:
Пятый день отъ милой нѣтъ письма.
Пятый день! Голубка, не больна ли ты?
Не легко разлуки дни дались.
Какъ свинцомъ тяжелымъ вѣки налиты.
Тускнуть глазки? Кудри развилась?
Что съ тобой, голубка непорочная?
Но молчитъ въ отвѣтъ нѣмая игла...
И моя каморка одиночная
Одиночнѣй стала, чѣмъ была.

XX.

Въ своемъ письмѣ вчера ты мнѣ при-
слала локонъ.
Какъ ты добра, дитя,
Пугливой амѣикою забилась въ уголокъ онъ,

XVIII.

Въ синагогѣ, возлѣ бимы 1),
Отъ мизраха 2) не вдали,
Съ старымъ шамесомъ 3) однажды
Мы бесѣду завели.
— Слушай, есть разсказъ въ Талмудѣ,
Онъ такъ трогательно милъ.
Жилъ женихъ. Жила невѣста.
Мрачный рокъ ихъ разлучилъ.
Предъ отъѣздомъ въ край далекій
Много было слезъ у нихъ,—
Молодой прекрасной дѣвѣ
Клялся вѣрнымъ быть женихъ.
Онъ уѣхалъ. Дочь Сіона,
Горе, горе твой удѣлъ!
Всѣ вокругъ шипятъ злорадно:
— «Онъ уѣхалъ,—охладѣлъ!
— Онъ уѣхалъ,—онъ забудетъ!
— Не вернется больше онъ!»
— «Много встрѣтитъ на чужбинѣ
«Дѣвѣ прекраснѣй Бенціонъ 4)»
— Онъ уѣхалъ! Онъ уѣхалъ!
«Не туманъ небесныхъ глазъ:
«Выбирай себѣ другого,—
«Мало-ль юношей у насъ!»
Но бѣжить отъ сплетень дѣва,
Ихъ не слушаетъ она,
И проводить дни и ночи

Сколько мукъ и испытаній
Переносишь ты теперь,—
Мудрецамъ въ глаза смѣются,
Старцамъ праведнымъ плюютъ:
— «Твой Господь тебя оставилъ,
Не найти тебѣ пріютъ!»
Всѣ кричатъ вокругъ злорадно:
— «Позабылъ тебя твой Богъ!»
Дочь Сіона, въ глубь укралась
Ешиботовъ 5), синагогъ.
Тамъ, склонившись надъ «геморой» 6),

Колечками блестя.
Чуть вынулъ я его, какъ мракъ моей
темницы
Былъ озаренъ вокругъ.
Что это?—думалъ я:—Ужь не перо ль
Жарь-Птицы
Прислала ты мнѣ вдругъ.

- 1) Каесара.
2) Свѣтъ Святыхъ.
3) Старожъ синагоги.
4) Сынъ Сіона.
5) Школа.
6) Текетъ священной Торы.
7) Комментаторы Геморы.

ИЗЪ КОЛЛЕКЦІИ АВТОГРАФОВЪ И РѢДКИХЪ ПОРТРЕТОВЪ Н. Ф. ФИНДЕЙЗЕНА.

МУСОРСКИЙ.

М. И. ГЛИНКА.

БОРОДИНЪ.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА.

Удивительное первое впечатлѣніе производитъ первая всероссійская выставка музыкальных инструментовъ.

Вы поражены громаднымъ производствомъ балалаекъ, домръ, гитаръ, мандолинъ, гармоникъ и граммофоновъ.

Инструменты современнаго оркестра деревянные, духовые и цари оркестра—струнные занимаютъ скромныя мѣста и не въ такомъ количествѣ.

Они не кричатъ своимъ видомъ, не бьютъ на эффектъ.

Вы тѣмъ болѣе поражены, что привыкли уважать благородные по звуку и благодарные для исполненія струнные инструменты.

Вамъ не вѣрится, чтобы русскій народъ довольствовался балалайкой или граммофономъ. Но это фактъ. Производство этихъ инструментовъ нагляднымъ образомъ доказываетъ печальную истину.

Вы стоите предъ грубой реальной дѣйствительностью, ничѣмъ не затушованной.

Американское общество «Колумбія» и англійское акціонерное общество десятками тысячъ наводняютъ своими граммофонными пластинками нашу публику. Качество пластинки улучшается и совершенствуется съ каждымъ годомъ, а качество исполняемаго остается тоже. Цыганскіе романсы, юмористическіе рассказы и арии оперетокъ составляютъ большинство ихъ записей.

Художественные запросы въ производствѣ играютъ послѣднюю роль.

Благодаря лишь интеллигентности нѣкоторыхъ пѣвцовъ выдающихся мѣста нашихъ оперъ фигурируютъ на пластинкахъ.

Далѣе идутъ балалайки, имѣющія большой сбытъ.

Выдѣлка ихъ замѣтно совершенствуется съ каждымъ годомъ. Одна фирма «Каммерратъ» выдѣлываетъ въ мѣсяцъ до 2000. Художественнымъ производствомъ послѣднихъ отличается В. В. Андреевъ. Гармоникки не отстаютъ отъ балалаекъ.

Кустарное производство ихъ, напримеръ, въ городѣ Вяткѣ у фирмы Ма-

маева доходить до 10000 штукъ въ годъ, у Вараксина до 1500, не считая другихъ мѣстныхъ фирмъ.

Есть еще гармоникки тульскія, казанскія...

Выставлено много роялей и главнымъ образомъ пѣлино, благодаря ихъ небольшимъ размѣрамъ.

Инструменты Беккера, Германа и Галсмана, Оффенбахера, Майра и другихъ фабрикъ конкурируютъ между собою. Великолѣпная отдѣлка этихъ инструментовъ въ декаденскомъ вкусѣ свидѣтельствуетъ о стилизации, все болѣе и болѣе проникающей въ нашу жизнь. Выдѣляется пѣлино Майра съ гравюрой Баллестреріи «Бетховень». Практическая сторона, къ сожалѣнію, забывается и о большемъ распространеніи этихъ дорогихъ инструментовъ сожалѣть не приходится.

Струнные представлены по большей части въ видѣ издѣлій отдѣльныхъ мастеровъ, продающихъ попутно какую-нибудь рѣдкую старую скрипку. У Гейсера стоитъ въ витринѣ интересный

альтъ работы Каепара-де-Сало 16-го вѣка.

Выдѣляется московская фирма Шидленъ, рекомендуя вмѣстѣ съ тѣмъ хорошаго Страдивариуса за 5000 рублей, Гварнери за 1000, Бергони за 800 и Штайнера за 600 рублей.

Выставлена на показъ превосходная цѣнная коллекція скрипокъ князя Юсучова, заключающая преимущественно скрипки работы Амати.

Косиновъ органъ Шенберга съ зеленой отдѣлкой въ новомъ стилѣ.

Деревянные и мѣдные инструменты кѣнской фирмы Червенато славятся мягкимъ и полнымъ тономъ: хороши басы.

Едва ли не самымъ интереснымъ отдѣломъ является уголокъ, занимаемый «Русскою музыкальною газетою» Н. Ф. Финдейзена.

Здѣсь вы встрѣтите цѣнные автографы композиторовъ: Борнина (арія Кончаковны), 1-й листъ еще не исполнявшейся 8-й симфоніи Глазунова, бѣлую замітку Бетховена, русскую пѣсню Листа, посвященную Зилоти.

Здѣсь лежитъ первая русская журнальная статья по музыкѣ Пальмквиста 1748 года, маска Бетховена, обиходъ времени царя Федора Алексѣевича.

Всякъ рѣдкіе портреты Бородина, интересный рядъ импрессионистскихъ снимковъ съ Калиникова и карикатуры Чарди на русскихъ музыкальныхъ дѣтеляхъ.

Изъ инструментовъ—хорошо сохранившійся клавесинъ 18 вѣка и народные музыкальные инструменты.

Превосходны сдѣланные фирмой Буассона и Эглера большіе портреты: играющій Вербилювичъ, Балакиревъ и Глазуновъ.

У экспонента Булла хорошъ портретъ Стасова.

Нотныя изданія и книги по музыкѣ представлены пока слабо за неприбытіемъ экспонатовъ, равно какъ и статистика музыкальнаго образованія въ Россіи.

Большое спасибо устроителямъ выставки и секретарю ея Герсону, не мало потрудившемуся съ послѣдніе дни. Они приподняли ту завѣсу, которая отдѣляетъ столицу отъ провинціи и наглядно показали, чѣмъ пробавляется нашъ народъ.

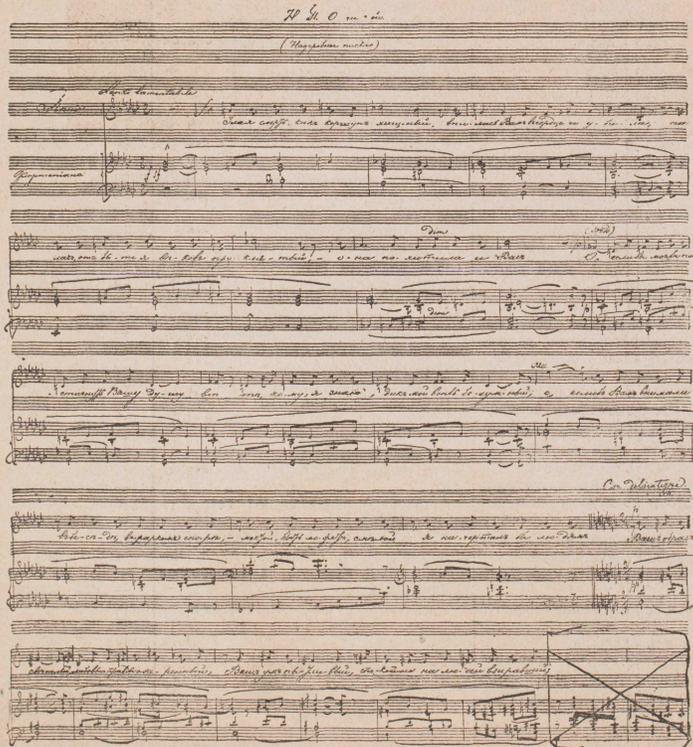
Разобобщеніе художественныхъ кружковъ отъ народныхъ массъ огромное. Очевидность не высокой общей музыкальной культуры наводитъ на грустные размышленія.

Народное благосостояніе сильно вліяетъ на развитіе искусствъ. Когда народъ раззоренъ, ему не до пѣсенъ.

Съ помощью граммофоновъ и балалаекъ нельзя добиться истиннаго художественнаго исполненія.

Правительству и обществу надо пойти на помощь.

Музыка должна быть дана народу.
В. СЕНИЛОВЪ.

АВТОГРАФЪ МУСОРСКАГО.

КАКЪ ХОРОШИ, КАКЪ СВѢЖИ
БЫЛИ РОЗЫ!

Надняхъ я былъ на концертѣ Глазунова въ Консерваторіи.
Была обычная программа.
Но послѣ тюрьмы она показалась мнѣ новою...
И одинъ стихъ остался у меня въ памяти...
«Какъ хороши какъ свѣжи были розы...»
Теперь зима. Морозъ запушилъ стекла оконъ.
Я сижу передъ догорающимъ каминомъ.
А въ головѣ все звенить, да звенить.
«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...»
И вижу я передъ собой ее—чистую, прекрасную, юную, дѣвственную...
Ея глаза лучились неземнымъ блескомъ.
Ея одежды благоухали резедой и липой.
Ея голосъ, о этотъ чистый, прекрасный, юный, дѣвственный голосъ, лучился и благоухалъ...
И сливался съ музыкой Аренскаго.
И купался въ ней, то парилъ надъ

нею, то погружался въ хрустальную прозрачность божественной гармоніи.
Помню, о его смерти я узналъ въ тюрьмѣ.
Тогда же его смерть встрѣтила горестный отзвукъ въ моей душѣ.
Я писалъ:
Рыдайте вы, арфы золоты,
Пусть слезы безъ удержу хлынуть
И ризмы сплетаются въ стихъ.
Склонитесь печальная голова.
Брильянтъ драгоценнѣйшій вынуть,—
Аренскій на вѣки затихъ.
Въ немъ пѣсни грядущаго пѣли намъ
Возвышенно чистыя чувства,—
Грядущему богу вѣнокъ...
Понятный лишь избраннымъ, эллинамъ—
Апостолъ святого искусства
Онъ былъ средѣ толпы... одинокъ...
О нѣтъ... Сегодня онъ не одинокъ.
Коммиссаржевская сроднила, сблизила
его со всей этой переполненной быоци-
мис, горячими, молодыми сердцами, задол,
Какъ простодушно вдохновенны за-
думчивые глаза.

Какъ трогательно невинны раскрытыя вопрошающія губы, какъ ровно дышитъ еще не вполне расцвѣтшая, еще ничѣмъ не взволнованная грудь.
Какъ чистъ и нѣженъ обликъ дорогого лица.
Я не дерзаю заговорить съ нею.
Но какъ она мнѣ дорога!
Какъ бьется мое сердце!
«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...»
А въ комнатѣ все темнѣй да темнѣй.
Каминъ трещитъ и бѣглое, лучшее пламя хочетъ замолчать.
И слышится скучный, старческий шопотъ:
— Вѣры Феодоровны больше нѣтъ...
Есть Вѣра Мейерхольдова...
И чей-то голосъ, голосъ прежней Коммиссаржевской, той самой которая такъ намъ безконечно дорога кричить:
— Умеръ, умеръ великій Панъ!..
И не хочется вѣрять, что онъ умеръ.
«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...»

Встаютъ передо мной другіе образы.
Димбалистъ юный, совсѣмъ мальчикъ онъ разсыпалъ своими смычкомъ брилліанты яркихъ звуковъ...
Онъ напугалъ весь этотъ громадный залъ своими серебристыми флажолетами...
И весь воздухъ словно серебрится...
И всѣ сердца тянутся на встрѣчу скрипичному концерту Глазунова...
И къ ноктюрну Шопена, въ которомъ бархатная прелесть томящей ночи такъ глубока и очаровательна...
И глухими, ночными аккордами, вкрадчивымъ и явкимъ, какъ ночная скрипка рисуетъ фонъ талантливый аккомпаниаторъ Дуловъ.
И тѣни борются съ бликами...
И душа тоскуетъ и надѣется...
«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...»
Встаютъ передо мной другіе образы.
Слышится веселый шумъ деревенской жизни. Русая головка, прислонившись къ воротамъ смотритъ печально и трепетно, какъ за рѣкой гаснетъ вечерній багрянецъ:
А тамъ гдѣ-то далеко, далеко простой голосъ, простого парня:

Не велятъ Машѣ за рѣвню ходить.
Не велятъ Машѣ молочника любить.
Молодой парень любитель дорогой,
Онъ не чувствуетъ любви никакой.
Какова любовь на свѣтѣ горюча...
Стоитъ Маша призапалаканы глаза...
Это голосъ Чупрыникова въ драгоценной оправѣ Глазуновской гармоніи...
«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...»
Встаютъ передо мной другіе образы.
Гляжу я на нее стройную, свѣжую, красивую, слушаю ея сильный красивый женственный голосъ, люблю съ игрой брилліантовъ, которые цѣлуютъ ея шею,—о эти брилліанты!—и думаю:
— Какая это богато одаренная женщина Кузнецова-Бенуа!
Она поетъ о чистой материнской любви... о чистой, какъ брилліантъ, материнской любви...
«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...»
А онъ поетъ о Гименѣ...
Объ Эрощъ...
О Венерѣ...
И гордымъ крикомъ горитъ элита-лама,—свадебная пѣсня, которую пѣли въ спальнѣ новобрачныхъ римскіе и греческіе юноши и дѣвы.

ВѢЧНАЯ СКАЗКА.

Въ нѣкоторомъ царствѣ въ нѣкоторомъ государствѣ живетъ добродѣтельный король.
Добродѣтельнымъ онъ сдѣлался вслѣдствіе того, что у него былъ мудрый наставникъ Витинъ (чуть-чуть не Витте).
У Витина есть дочь добродѣтельная и мудрая Сонка.
Король полюбилъ Сонку.
Сонка полюбила короля.
Но канцлеру и прочей камарильѣ страшенъ бракъ короля.
Они знаютъ, что имъ не одобровать, если на престолъ воцарятся добродѣтель и мудрость.
Совы боятся свѣта.
И филинъ-канцлеръ принимаетъ всѣ мѣры, чтобы скверннуть короля.
Камарильцевъ не трудно убить, что короля слѣдуетъ свергнуть, а Витина убить.
Еще легче—народъ.
Стоитъ только распустить слухъ, что Витинъ колдунъ, что Сонка околдовала короля.
Но прежде, чѣмъ вступить съ королемъ въ бой, канцлеръ цинично предлагаетъ ему вступить съ нимъ въ союзъ противъ народа.
Идеаль короля, угоднаго камарильцамъ, красиво и мѣтко обрисованъ канцлеромъ.
— Пусть царствуетъ и будетъ вѣтромъ на моей мельницѣ. А я буду мельникомъ.
Король съ презрѣніемъ отталкиваетъ руку канцлера.
И послѣднему достаточно двухъ актовъ и двухъ антрактовъ для того, чтобы

внутренней войной побѣдить напобѣди-
маго въ войнахъ внѣшнихъ короля.
Всѣ отвернулись отъ него, кромѣ В. Ф. Коммиссаржевской, А. Н. Феона, бродяги Н. Н. Урандова и шута Д. Я. Грузинскаго.
Послѣдній подъ занавѣсь бросаетъ заключительныя слова сказки:
— Звоните въ большой колоколь.
Имѣется вакантный тронъ!
Въ чѣмъ же тутъ сказка.
Въ красныхъ парикахъ?
Въ синихъ декорацияхъ?
Въ фантастическихъ, но совершенно одинаковыхъ костюмахъ?
Въ вычурныхъ, скраденныхъ со скинскихъ вазъ позахъ и жестахъ?
Въ симметри группировкѣ бутафоріи и статистовъ?
Вѣдь гимнастикой, настоящей гимнастикой вѣяло отъ нѣкоторыхъ выходовъ и уходовъ дѣйствующихъ лицъ.
Вѣдь, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ слышалось повтореніе (увы, уже повтореніе) «Сестры Беатрисы».
Вѣдь, грошевыми провинциальными эффектами электрическаго освѣщенія отдѣлался г. Мейерхольдъ въ самыхъ отвѣтственныхъ мѣстахъ (—разсказъ бродяги).
Вѣдь это скучно и не изобрѣтательно всѣ три дѣйствія приковывать вниманіе публики къ одной и той же декорации.
И въ «Беатрисѣ» и въ «Сказкѣ» не только декорация, но и одинъ костюмъ.
Всѣ сестры одѣты, какъ институтки, одинаково,—это и не мудрено, т. к. онѣ монашки.
Но почему всѣ женщины въ «Сказкѣ» одѣты такъ же, какъ институтки.
Почему всѣ мужчины одѣты какъ будто по формѣ.
Это скучно и поневоля напрашивается вопросъ:
— Неужели изъ экономіи?
Этотъ вопросъ былъ бы пошлымъ, если бы я говорилъ о грошевой экономіи.
Но я говорю объ экономіи духовной, объ экономіи изобрѣтательныхъ силъ Мейерхольда и Денисова

Неужели ихъ воображенія хватило только на одну декорацию, на одинъ костюмъ, на одинъ парикъ, на одинъ тонъ, на одинъ жестъ.
Да. У всѣхъ у нихъ одинъ и тотъ же жестъ!
Посмотрите внимательнѣе.
И все-таки было что то интересное въ этой сказкѣ.
Денисовъ талантливъ безусловно.
Были мѣстами взяты аккорды сказочной красоты.
Отдѣльные барельефы.
Отдѣльные моменты.
Отдѣльные живыя картины.
Отдѣльные кусочки кусочковъ.
Ради нихъ стоитъ сходить въ театръ Мейерхольда.
Но ради того, что было до него,—ради цѣлаго, цѣлостнаго святаго и милого искусства.
Ради Сехитростнаго Чехова.
Ради дерзновеннаго Горькаго.
Ради ботового Бравича (—ахъ какъ онъ неудаченъ въ сказочномъ королѣ), бытовомъ Коммиссаржевской (—слушая Сонку, я порой тосковалъ объ Авдотѣ), ради бытовыхъ: Феона, Холмской, Ведринской и прочихъ, стоитъ пожалѣть о театрѣ Коммиссаржевской.
Театръ Коммиссаржевской...
Публика жалуется, что театръ Коммиссаржевской слишкомъ далеко отъ центра,—на Офицерской.
Публика ошибается.
Это театръ Мейерхольда на Офицерской.
А театра Коммиссаржевской вовсе нѣтъ въ Петербургѣ.
Отъ него остались только безработные режиссеры Н. Н. Арбатовъ, А. Л. Волынский, Н. Д. Красовъ, да безработная З. В. Холмская.
Н. ШЕБУЕВЪ.

ВИКТОРЪ.

— «Пробившись попусту часть цѣлый, пошла и говоритъ съ досадою: «Ну, что-жь?»... Дальше, Викторъ Львовичъ, я позабылъ...»
Викторъ грустно улыбнулся и подумалъ:
— Это про меня въ баснѣ сказано: Пробившись попусту часть цѣлый (даже не часть, а два сѣ половиной часа), пошелъ и говорю съ досадою: «Ну, что-жь?». На взглядъ-то онъ хорошъ... Да тутъ...
Да, на взглядъ этотъ мальчуганъ очень хорошъ,—еще бы, весь въ сестру,—но за то какъ неспособенъ, какъ лѣнивъ и упрямъ.
Удивительный контрастъ между нимъ и Лидей. Та съ полуслова въ всякое ясное не понимаетъ...
Словно угадавъ, что репетиторъ думаетъ о сестрѣ, ученикъ понизилъ голосъ и добавилъ:
— А вчера Лиди здорово изъ-за васъ досталось.
— Что такое?—безпокойно спросилъ Викторъ.
— Папа у нея книжку вашу нашелъ и пропекъ... просто ая-люли!..
— Какую книжку?..
— Гы... запрещенную... чать неприличную...
— Пустяки все болтаешь. Ты бы лучше басню выучилъ. Завтра спросятъ...
— Не спросятъ завтра... Завтра, какъ ее тамъ... революція, что ли...
— Манifestація, — поправилъ Викторъ.
— Вотъ она самая...
— Кто же это тебѣ сказалъ?
— Всѣ говорятъ. Наши второклассники даже флагъ приготовили... А меня папа не хочетъ завтра выпускать изъ дому... И Лиду тоже... Вѣдь дѣвочки тоже хотятъ бунтовать. Къ гимназистамъ пристанутъ...
— А тебѣ хочется?
— Я бы имъ показала... Я бы ихъ!..
— Кого ихъ?

Это поэт Тартаков и в этом гимне Гименею казалась горит львиная душа Рубинштейна:

«Как хороши, как свежи были розы... Тысячи рук тянутся к эстраде, тысячи голосов сплелись во один восторженный клик...»

— Автор! Автор! Что это там в это морф горячиж голову грузно подымается и опускается, и опять возносится кверху и снова ныряет... качается на волнах самого бурного во мёрз моря,—моря восторженных молодых сердец...

Я вижу, вижу эту слегка грузную, слегка застыбчивую, сильно добродушную и сильно любимую фигуру Глазунова...

... и Ланнеровский вальс не может зашуршать воркотню патриархального самоара.

«Как хороши, как свежи были розы... Каминь меркает и гаснет... Я зажечь бы огонь...»

Кто это шепчет мне в ухо слова Аренака:

Не зажигай огня... со светом к нам наклонит Звонкая тоска безгильной суты... Ужасная всякий сон... И счастье нас покинет

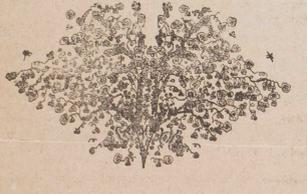
Не зажигай огня... Не разгоняй мечт... Я боюсь, что мои мечты не вынесут света...

Померкнет молодость Комиссаржевской, бриллианты Кузнецовой-Бенуа, влохновение Вержбиловича, искренность Цимбалста, свежест Тартакова.

Я боюсь за свои мечты... Но мнѣ темно... Электричество вспыхивает... и... всѣ онѣ умерли... умерли...

«Как хороши, как свежи были розы...»

Н. ШЕБУЕВЪ.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦИЮ.

Милостивый Государь, Господинъ Редакторъ!

Покорнѣйше прошу не откажут помѣстить мое письмо въ уважаемой Вашей газетѣ.

По прибыти съ войны Русско-Японской, я какъ заурядъ-прапорщикъ, привезъ съ собою револьверъ и шапку, черезъ два или три дня по прибыти, т. е. въ июль мѣсяцъ сего года, я подалъ черезъ г. Быховскаго исправника на имя начальника губернии (Могилевскій) прошение о разрѣшеніи мнѣ имѣть револьверъ и шапку. 13 июля мнѣ было предьявлено объявленіе за № 3769 г. Быховскаго исправника о внесеніи гербового сбора 1 р. 50 к. для оплаты прошения. Не имѣя тогда денегъ, я не могъ сейчасъ внести, но надѣясь внести при первой возможности, но такъ какъ нужно было на первомъ планѣ думать о насущномъ кускѣ хлѣба, для старуки матери и троихъ малютокъ сиротокъ, оставшихся послѣ смерти моего брата, которые и сейчасъ остались безъ средствъ. Зная, что полиціи извѣстно, что у меня имѣется револьверъ и шапка, а г. Исправникъ о внесеніи гербового сбора срокъ не указавъ и также неказаво, чтобы я сдать револьверъ въ полиціеское управленіе на храненіе до получения разрѣшенія, кромѣ того не имѣя возможности оторвать излишка для внесенія гербового сбора, ожидая, пока мать получитъ тридцать рублей за отчужденную землю подъ желѣзную дорогу, деньги, которая находилась въ депозитъ крестьянскаго прихода, тогда и внести гербовый сборъ, но не дождался я этого счастливаго момента, когда выдудятъ деньги, а опередилъ обыскъ полиціи, который состоялся 16 ноября, и меня, раба божьяго, постановленіемъ г. исправника подъяреть на семь сутокъ, а по отбытіи этихъ семи сутокъ постановленіемъ г. Губернатора еще на три мѣсяца, а по отбытіи этихъ трехъ мѣсяцевъ можетъ быть еще объявленъ постановленіе какого-нибудь должностнаго лица.

Пишу эти строки для того, чтобы предупредить гг. заурядъ-прапорщиковъ, чтобы и другіе не пострадали такъ же, какъ и я томлюсь въ темной комурѣ Быховскаго полиціеискаго управленія.

Георгиевскій кавалеръ Петръ Романовичъ Кильчичигъ Г. Быховъ, Московскою губерніи.

II.

17 марта 1907 г. истекаетъ двадцатипятилѣтне композиторской дѣятельности Александра Константиновича Глазунова. Юбилей этотъ является событіемъ, которое не можетъ остаться на отмѣненномъ въ нашей общественной жизни. Съ этой именно цѣлью въ С.-Петербургѣ образована комитетъ подъ предсѣдательствомъ Н. А. Римскаго-Корсакова въ составъ нижеслѣдующихъ лицъ: Н. В. Арцыбашева, Ф. М. Blumenфельда, Г. И. Витолья, Г. Л. Гейсе, А. И. Зилоти, В. П. Колмоицова, А. К. Лядова, М. Л. Нейшлелера, А. В. Оссовскаго, А. А. ванъ-деръ-Нальса, И. Е. Рѣпина, Н. А.

Соколова, В. А. Теляковскаго и Н. Н. Черепнина.

Упомянутый комитетъ даетъ 27 января 1907 г. въ залѣ С.-Петербургскаго Дворницкаго собранія, въ честь А. К. Глазунова юбилейный симфоническій концертъ, организація котораго предложена комитетомъ дирекціи «Концертовъ А. Зилоти». Въ программу концерта включена первая симфонія А. К. Глазунова, какъ начало дѣятельности композитора, и восьмая симфонія, какъ послѣднее его произведеніе,—подъ управленіемъ Н. А. Римскаго Корсакова и А. И. Зилоти. На слѣдующій день, т. е. 28 января, по распоряженію Дирекціи Императорскихъ театровъ, будетъ данъ въ Мариинскомъ театрѣ юбилейный балетный спектакль—также исключительно изъ произведеній А. К. Глазунова (балеты: «Испытаніе Дамисас», «Времена года» и одинъ актъ «Раймонды»). Кюдию юбилея комитетомъ будетъ изданъ очеркъ жизни и дѣятельности А. К. Глазунова.

Долова общъ изложеномъ до общаго сѣдѣнія, комитетъ выражаетъ надежду, что русское общество, высоко цѣня заслуги одного изъ даровитѣйшихъ своихъ сочленовъ, какимъ является нашъ композиторъ, не преминетъ присоединиться къ предстоящему чествованію А. К. Глазунова.

Задачами и со всякаго рода завлеченіями по поводу празднованія юбилея А. К. Глазунова надлежитъ обращаться въ музыкальный магазинъ Г. И. Юргенсона (СПБ., Морская, 9).

III.

Въ концѣ декабря с. г. истекаетъ десятъ лѣтъ изданія журнала «Театръ и Искусство». Столь продолжительное существованіе спеціального органа печати, такъ много способствовавшаго освѣщенію и разрѣшенію назрѣвшихъ вопросовъ театральнаго искусства, бывшаго всегда неизмѣннымъ другомъ актера и драматическаго писателя—не можетъ и не должно пройти неотмѣненнымъ.

Кружокъ лицъ, сочувствующихъ задачамъ журнала и цѣнящихъ его плодотворную дѣятельность на пользу роднаго искусства, взялъ на себя починъ празднованія десятилѣтія «Театра и Искусства».

Учрежденія и лица, желающія принять участіе въ юбилейномъ чествованіи, благоволятъ прислать письма, телеграммы и проч. въ Канцелярію «Союза драматическихъ и музыкальныхъ писателей», С.-Петербургъ, Ямская ул. д. 1, на имя Предсѣдателя юбилейнаго кружка Е. П. Карпова.

Чествованіе назначено на 23 декабря с. г. Въ этотъ день, въ 7 час. вечера, состоится общъ по подпискѣ въ помѣщеніи Петербургскаго Желѣзнодорожнаго Клуба (Английская набережная, д. 6). Каждый участникъ обязуется при подпискѣ 10 р. (сюда включена стоимость общаго съ виновомъ и юбилейнаго подношенія). Подписываться на общъ можно не позже 16-го декабря въ Канцелярію «Союза драматическихъ и музыкальныхъ писателей» (Ямская ул. д. 1). Тамъ же будетъ выставленъ для подписи желающихъ поздравительный

адресъ отъ сотрудниковъ и читателей журнала.

Предсѣдатель кружка: Е. П. Карповъ. Члены: Н. Н. Арбатовъ, В. И. Бенювинъ, В. П. Далматовъ, О. И. Дымовъ, А. А. Измайловъ, А. А. Плещеевъ.

А. К. ГЛАЗУНОВЪ.

IV.

Въ № 8 Вашей уважаемой газеты, въ статьѣ озаглавленной «Самовыставка» вкратцѣ нѣкоторая неточности.

Во избѣжане недоразумѣній, покорнѣйше прошу помѣстить въ ближайшемъ номерѣ нижеслѣдующую поправку:

- 1) Устроителемъ выставки названъ я, одинъ, между тѣмъ выставка устроена Администраціей Товарищества Р. Голикъ и А. Вильборгъ, въ лицѣ трехъ изъ ея членовъ: В. Г. Скамоинъ, А. И. Вильборга и Р. Р. Голикъ.
2) Подавляющее большинство экспонатовъ исполнено въ мастерскихъ Товарищества (съ Декабря 1902 г.), и только нѣкоторыя изъ выставленныхъ произведеній печати принадлежатъ вошедшимъ въ Товарищество Художке...

Мальчикъ тупо уставился во окошко. Минутное оживленіе прошло. И онъ вяло протянулъ:

— Пора кончать.

Дѣйствительно, пора. Викторъ вспомнилъ, что сегодня назначенъ банкетъ у Пріятельныхъ, — гимназическій банкетъ.

— Ну, пойдешь ты завтра въ гимназію, или не пойдешь, а долженъ выучить вотъ это и это.

Проходя въ переднюю мимо кабинета Григорія Петровича, Викторъ услышалъ голосъ генерала:

— Викторъ Львовичъ... На одну минутку...

Викторъ вошелъ, смутно предчувствуя бурю. Но особенной бури не вышло.

— Что это вы вздумали: фамилию свою прославлять, молодой человѣкъ? — У меня нѣтъ фамили, поэтому мнѣ нечего прославлять...

— Ваша фамилія Ивановъ...

— Имѣть такую фамилію все равно, что вовсе не имѣть никакой. Съ чего же это вы взяли, что я ишу славы? — Слыхомъ земля полнится... Слыхалъ я, какое стихотвореніе читали вы на вашемъ митингѣ... виноватъ, на банкетѣ... Не дурно... ей Богу, не дурно... Вашъ отецъ былъ бы радъ, если бы дожилъ до тѣхъ овацій, которыхъ удостоились вы... Ну-съ, а я все-таки убѣдительно прошу васъ заботиться о прославленіи исключительно своей фамиліи...

— Я не понимаю васъ...

— Я васъ прошу не заботиться о прославленіи моей фамиліи... Фамилія Запольскихъ уже прославилась... мой прадедъ былъ цареворцемъ, дѣдъ губернаторомъ... да, наконецъ, я самъ представляю изъ себя, согласитесь сами, величину значительную...

— Помилуйте... къ чему вы ведете рѣчь...

— А къ тому, что составляя себѣ имя политическаго «борца», такъ, кажется, у васъ это называется... вы и Лидочку мою стараетесь выдвинуть на томъ же поприщѣ... Вашу книжку мо-

жете получить обратно... Лидочка просила вамъ передать, что никакихъ рефератовъ она читать подругамъ не намѣрена... Я, со своей стороны, тоже считаю эту мысль праздной... Гимназическая программа, если къ ней серьезно отнестись, требуетъ такъ много труда, что для постороннихъ занятій не хватитъ времени...

— Лидія Григорьевна не могла сказать, что считаетъ мысль о саморазвитіи праздной, она съ такимъ жаромъ все...

— Вы хотите сказать, что я не точно понялъ слова дочери... — перебилъ Викторъ Запольскій.—Хотя васъ, молодежь и трудно понимать намъ, старикамъ, но все же мы пока еще говоримъ съ дочерью не на разныхъ языкахъ. Дѣло обстоитъ такъ: вы убѣдили ее въ пользу вашего «кружка», а я разубѣдилъ ее. Отчего вы не можете предположить, что отецъ на Лидю имѣетъ такое же вліяніе, какое и... репетиторъ брата...

Викторъ густо покраснѣлъ и не зная, что сказать. А старикъ, видя замѣшательство гимназиста, перемѣнивъ тонъ на задумчивый, продолжалъ:

— Повѣрьте, Викторъ, что и мы были молоды и тоже съ кружками возились... И насъ радовала та близость, которая устанавливается въ нихъ между дѣвчушками и молодыми людьми... Сознаетесь, вы всѣ перелобились въ нашемъ кружкѣ...

Викторъ покраснѣлъ еще гуще.

— Григорій Петровичъ, я вамъ не даю права оскорблять меня...

— Молодой человѣкъ... Вы сами себя выдаете... Я ничего о васъ лично не говорилъ... Я говорилъ о кружкахъ вообще... Я покажу, что для меня лично въ нашемъ кружкѣ саморазвитія интереснѣе всего дѣла женскій вопросъ... И у меня съ двумя смазливишками дѣвчушками саморазвитіе дошло до того, что... хе-хе-хе... какъ бы вамъ сказать... онъ... словомъ, саморазвилась...

При этомъ генераль сдѣлалъ такой краснорѣчивый жестъ, что Викторъ не удержался и крикнулъ:

— Простите, Григорій Петровичъ! Но вы или клеветаете на себя, или... или

Лидія Григорьевна должна стыдиться, что имѣетъ такого отца! Ничего подобнаго въ нашемъ кружкѣ не было и не могло быть. Не время теперь о такихъ ничинностяхъ думать! Мы—русская молодежь, понимаемъ, что глаза всей Россіи, всей Европы, всего міра съ надеждой смотрятъ на насъ.

— Это чересчуръ громко. Впрочемъ, если не глаза всего міра, такъ глаза попечителя учебнаго округа уже смотрятъ на вашъ кружокъ... Я вамъ долженъ сказать конфиденціально, что ему извѣстно о предполагающей на завтра демонстраціи учебныхъ заведеній. Я вчера вечеромъ винтилъ съ нимъ. Онъ сказалъ, что немедленно закроетъ всѣ тѣ учебныя заведенія, которая прямо или косвенно примкнутъ къ вашей процессіи... Повѣрьте, что вы этимъ и себѣ навредите, выйдете, что вашъ кружокъ вмѣсто саморазвитія оставитъ васъ всѣмъ на второй годъ, а многихъ и вовсе выкинетъ изъ учебныхъ заведеній... А главное, навредите Панкратову... Ну, предположимъ, что онъ дѣйствительно великолѣпный педагогъ, отличный историкъ и воспитательный человѣкъ, предположимъ, что директоръ дѣйствительно выжилъ его изъ гимназіи безъ достаточно уважительныхъ основаній... Но подумали ли вы о томъ, что ваша завтрашняя демонстрація дастъ козырь въ руки именно директору. Онъ наглядно покажетъ всѣмъ, что Панкратовъ занимался не прохожденіемъ гимназическаго программы, а... полтикой... А за политику того же Панкратова и въ томъ убѣдномъ городѣ, куда его переводятъ, не похвалятъ... Я знаю, что и кружки ваши—его рукъ дѣло... Конечно, онъ молодецъ, ему дѣлится быть кумиромъ молодежи, да и его отношеніе къ этой гимназисточкѣ... какъ ее... Скворцовой, кажется...

— Не вамъ судить Панкратова. Побольше бы такихъ, какъ онъ, учителей, и тогда дѣйствительно русскіе гимназисты не нуждались бы въ кружкахъ саморазвитія... Ихъ развивала бы гимназія, та самая гимназія, которая теперь

развиваетъ только шпионатъ да тупоуміе...

— Тише, тише, молодой человѣкъ... Нечего волноваться... Я, старикъ, сдѣлалъ то, что считалъ для себя обязательнымъ. Вы—сынъ моего подчиненнаго, котораго я всегда любилъ и уважалъ. Мой долгъ былъ предостеречь васъ отъ увлеченія «идеями» и... Лидией... Нечего волноваться... Будете открытвенны... Отъ меня не ускользнутъ ни ваши шушунки, ни ваши тѣте-а-тѣте... Я самъ буду молодъ и тоже, повторю, быть въ кружкѣ... знаю, чѣмъ все это кончается и... категорично заявляю вамъ: мнѣ все это не нравится... На уроки съ сыномъ вы смотрите, какъ на ширмы...

Викторъ всколыхнулъ, какъ ошаренный:

— Съ этой минуты я не репетиторъ вашего сына. Прошу васъ избавить меня отъ оскорбленій. Прощайте...

И онъ выбѣжалъ изъ кабинета.

Надѣвая пальто, онъ замѣтилъ въ карманѣ какой-то свертокъ.

— Наверное, Петя подшутилъ.

Викторъ хотѣлъ было его выкинуть, но спохватился:

— А вдругъ это отъ Лиды.

На лѣстницѣ же онъ поторопился развернуть свертокъ. Оказался кусокъ красной матеріи и на немъ вышиты чернымъ шелкомъ съ одной стороны: «Свободная Наука», а съ другой—«Долой школьную полицію!»

Развертывая, онъ чуть не выронилъ записочку:

«Вечеромъ непременно буду у Пріятельныхъ. Есть многое, о чемъ надо съ тобой поговорить. Д.»

Н. ШЕБУЕВЪ.

(Продолженіе будетъ).

стенной Фототипии и Цинкографии А. И. Вильборга и Типографии и Литографии Р. Голике.

3) Две витрины по словотворческому изобретению и гальванопластикой любезно предоставлены нашей выставкой Первой Школы Печатного Движения.

Что касается неблагозвучия окончания моей фамилии—отказываюсь принять каки-либо меры к устранению этого недостатка.

Примите уверение во совершенном моем почтении и преданности Роману Голике.

У.

В № 6 редактируемой Вами газеты помещена замечка, под заглавием «Полиция». Все в этой замечке представляется злобно направленной против меня вымысл и потому прошу поместить в Вашей газете то, что было на самом деле.

10 ноября на мой частный прием в д. № 67 по Невскому пр. явился некто Чупраков, назвавшийся служащим из Екатеринбургских прииска.

По осмотру Чупракова я нашел у него полипы в носу; кроме того было замечено на заблывание лобной пазухи. Последнее заблывание трудно диагностировать сразу, требуется серьезная операция и пребывания в клинике. Вследствие этого я сказал, что ему нужно раньше удалить полипы и тогда выяснится, есть ли у него поражение лобной пазухи, или нет и если есть, то ему придется лечь в клинику, так как это очень серьезная операция. Так как в это время у меня были еще пациенты, а подготовка инструментов требует времени, то я и назначил Чупракову прийти для операции завтра.

2 рубля за визит Чупраков ушел. На другой день Чупраков явился. За операцию я назначил Чупракову 25 руб., но он сказал, что может заплатить 20 рублей, на что я и согласился. В этот день были удалены все полипы и перерожденная левая средняя раковина, и в виду сильного кровотечения, нос затампирован. На другой день свести тампона. Вечером Чупраков пришел, и сообщил, что мне придется ему быть удалены остатки плевры. Так как я не имью чистых помещений по праздничным дням, то я просил Чупракова прийти в выходные ко мне в клинику, где я живу. В клинику я еще раз осмотрел саму лобную пазуху, и образом Чупракова и не желая отпустить человека так далеко издалечинным и не доверяя себе, просил бывшего зелья товарища на консультацию—вйти ли поражения лобной пазухи. Приглашенный товарищ, 2-й ассист. д-р Волчек, тоже отверг это заблывание. После этого Чупраков еще несколько раз был у меня на моем частном приеме и я ему категорически заявил, что несмотря на все самые тщательные исследования, у него не найдено заблывания пазухи и никакой другой операции ему не нужно и он может смело ехать домой. Так как он заявил, что он не может ехать домой сейчас, то я в виду отсутствия денег, то я посоветовал ему еще раз зайти ко мне перед отъездом.

Больше Чупракова я не видал. 28 ноября 1906 г.

По поводу этого письма редакция высказается в одном из ближайших номеров.

ПРОГРАММЫ КОНЦЕРТОВ ВЫСТАВКИ «ЗИМНИЙ ПАВЛОВСКЪ ВЪ СОЛЯНОМЪ ГОРОДКѢ».

5-й концерт 7 Декабря.

1) Подъ управл. Рузольфа Буларюана. 2) Боролдинъ. Увертюра изъ оперы «Князь Игорь». 3) Брамсъ. Венгерскіе танцы № II и I. 3) Эрнфельдеръ. «Колыбельная пьеска». 4) Гольдфарберъ. Вступленіе въ III актъ оперы «Дуэньякъ съ очатого». 5) Бетховенъ. Увертюра «Леонора» № 3. 6) а) Силюэтти. «Маршгальс». б) Сибеліусъ. «Valse triste». 7) Сенъ-Сансъ. Пьеса. 8) Чайковскій. Сюита изъ балета «Шехерезадъ». а) «Характерный маршъ». б) «Арабскій танецъ». в) «Fée dragée». г) Китайскій танецъ. д) «Вальсъ пьютвокъ». 9) Мендельсонъ. Увертюра «Ruy Blas». 10) Шубертъ. Два Марша. 11) Делатеръ. Columbia. 12) Рубинштейнъ. Дюетъка пьесъ оп. «Леночъ».

6-й концерт 8-го декабря.

Подъ управленіемъ С. Т. Аббакумова. 1) Глазуновъ. Сюита «Пьесъ средних вѣковъ». 2) Соло на арфѣ пьесы Г. Амоновъ. 3) Сенъ-Сансъ. «Фантозъ» симфоническ. вокал. 4) Лядовъ. «Баба Яга» музыкальная картина. 5) Чайковскій. Andante изъ 3-го квартета. 6) Лядовъ. Полонезъ. 7) Р.-Корсаковъ. Вступленіе къ «Сказкѣ о царѣ Салтанѣ». 8) Мусоргскій. Интермеццо. 9) Вагнеръ. Увертюра къ оп. «Мейстерзингери».

7-й концерт 9-го декабря.

Подъ управленіемъ С. Т. Аббакумова и А. В. Таскина. 1) Вагнеръ. Увертюра къ оп. «Риенци». 2) Маскани. Интермеццо пьесы оп. «Сельская церковь». 3) Мошкковскій. Пьесакъ танецъ. 4) Россини. Увертюра «Вильгельмъ Телль». 5) Реберъ. Увертюра къ оп. «Фрейшютцъ». 6) Шуманъ. Грезы. 7) Делатеръ. Пьесатто изъ бал. «Сильвия». 8) Рубинштейнъ. «Торедоръ» и «Андалуза».

СКАЗОЧКА О МЕТРАНПАЖѢ «ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГАЗЕТЫ».

Страшный сонъ приснился метранпажу «Петербургской Газеты».

Призываетъ будто его Николай Сергѣевичъ Худековъ къ себѣ въ кабинетъ и начинаетъ пушить.

— Какъ вы осмѣлились продѣлать эту мерзкую штуку! — И тычетъ пальцемъ въ объявленія.

— Что это такое! Что это такое! Вы мнѣ скажите, что это такое!

— Объясненія... — Чьи объясненія... Чьи объясненія! Вы мнѣ скажите, чьи это объясненія!.

Въ голосъ Николая Сергѣевича даже видъ раздраженія появился.

Наши объясненія... Марьяжныя объясненія! — Знаю, что марьяжныя!.. Не ваше дѣло разсуждать!.. Какъ они сверстаны! Какъ они сверстаны!.. Знаю, что всѣ эти объясненія наши!.. Но какъ они сверстаны!.. Какъ вы осмѣлились!..

И тычетъ его носомъ въ объявленія. Смотритъ метранпажъ. И похолодѣлъ отъ ужаса.

Всѣ объясненія изъ послѣдняго номера «Петербургской Газеты».

Но какой чортъ сверсталъ ихъ въ такомъ порядкѣ!..

Милая, я жду тебя,

откинувшись съострому интеллигенту господину ищущему друга в лицѣ красивой интеллигентки. При взаимномъ увлеченіи могу оказывать ежемѣсячную поддержку. Фотографическая картинка ускоритъ знакомство, такую же возвращу немедленно. Полную тайну гарантирую честн. словомъ. Почт. отд. Николаевъ. вокз. пред. кв. «Пет. Газ.» № 4596. 4596

ВРАЧЕВЪНЪ КЛИНИКЪ

д-ра медиц. М. Кажданъ. Бользни кожи и сифилисѣ. Еждн. съ 8 до 12 ч. д. и 5 до 8 ч. вч. Пушкинская, д. № 11, кв. 5, противъ садика. 25937

Д-РЪ ГЕЙНИНЪ.

Сифилис, мочепол., бол. кожи, горла, носа. Ежд. 10—1 ч. д. и 5—9 ч. в. Литейный, 29 кв. 6. 30 30268-6

ИНТЕЛЛИГЕНТН. БОГАТАЯ ДАМА

общ. страшно скучаетъ, хочетъ знакомства съ интел. господ. для пріятн. время-препрово. Безуловная тайна. Николаевъ, вокз. почт. отд. пред. квіт. «Пет. Газ.» № 4597. 4597

ВРАЧ. КАВ. сифилис, венер., бол. горла, д. № 45, кв. 19. О. Вайнштейнъ (ж. отъ 8—11, 5—80, женщ. 12—2. 15 30337-6

ЧУДНУЮ БЛОНДИНКУ,

съ обурчалнымъ колечкомъ, въ голубиномъ личикѣ и маленькими въ ушахъ брильянчиками, сидѣвшую въ театрѣ «Буффъ» кажется красн. № 155-й 8-го яра, проситъ откликнуться сидѣвшую съами правѣе въ 9-мъ ряду господинъ. Очень сожалѣетъ, что при выходѣ изъ театра потерялъ Васъ изъ виду. Проситъ позвол. для встрѣчи, прислать Вамъ и подугр. Вашей билетъ въ театр. Адр.: П. почтамтъ, пред. 10 руб. № А. И. 86639. 4598

Д-РЪ С. ДОРФМАНЪ

Черны. е-ъ пер. д. 28, у пяти угл. спел. бол. венер. орг. (пузыря), половая слаб., сифил., ежд. съ 10—1 и 5—8 ч. в. Дамъ отъ. 30 4170 8

ОФИЦЕРЪ

въ отст. 36 л., сост. на казен. сл., жел. знакъ съ полжител. особ. для время-проя, безмат. инт. съ об. стор. Адр.: 2-е почт. отд., пред. охот. свид. № 198. За прсымъ пр. 11 дек. 4502

Д-РЪ Г. ДОРФМАНЪ Гороховая, 17, у Красн. м. Еждн. по 11—6. Спел. сифил., мочеп., венер. и электрик. 30 28023-2

Безопасность!

Жажу познать съ очн. и оч. хорошен. куд. для совм. развл. Гарант. полн. безопасн. Матер. инт. взаим. искл. Свид. лишь послѣ переписки. 2-е почт. отд. пред. кв. «Пет. Газ.» № 4546. 4546

Д-РЪ ЯНОВСКІЙ. Бользни кожи, моч. (электр.) сиф. отъ 8—1 ч. у. 5—9 ч. в. женщ. отъ 1—2 ч. в. Бассейная, 1, кв. 29, 2-д. отъ угла Литейнаго. 10 4335-3

ТОЛЬКО

съ очень богатымъ симпатичнымъ господиномъ желаетъ познать. 22-хъ лѣтъ, извѣстная красавица, образован. блонд. Имѣю дохода 40 руб. въ мѣсяцъ, но это капля въ морѣ. Фотографии не пришло. 11 почт. отдѣл. до востр. предъав. акціи № 39569. 4545

СИФИЛИСЪ,

венерическій, острый и хроническій трипперъ, суженія канала, болѣзни пузыря, чистоскопій, отъ 10—1 ч. и съ 5—10 ч. в. Невскій, 81, кв. 11 (прот. Знам. Докт. Лейбовичъ. Женищнскіе отдѣльно. 15 19330-15

Циркъ ЧИНИЗЕЛЛИ Циркъ. Шатенку, бывшую на снѣт. въ субботу, 2 дек., въ циркѣ въ св-гол. платьѣ, съ 2 такими же перьями въ шляпкѣ, сидѣвш. въ ложѣ съ лѣв. стор. съ подругой блондинкой горячо прошу немедл. отвѣт. по адресу: 13-ое почт. отд. пред. кв. почт. пер. № 70. Секретъ переписки и личн. бучетъ соблюду. 4582

КАЗАНСКАЯ, 8, кв. 20, (близъ Жел. сиф., электр., кож. 8—1 у., 4—10 в. Дамъ отъ д-р. М. Фейертатъ. 15 30905-3

ДВА ЧЕРТЕНКА.

Мол. скр. интересн. хот. увидѣть «Рай земной» въ Невск. фарсѣ. Кто жел. съ ними пообѣднать, пусть пришлетъ билетъ. 2 почт. отд. пр. кв. «Пет. Г.» № 4531. 4531

Пер. ст. В. пр., 33-А (бл. Введ.). Мочеп., сиф., кожн., внутр. бл. элек. 8—12 и 5—9 ч. вч., дамъ 1—2 ч. д. 8 30330-6

ХОЧУ

имѣть много золота и камешковъ, имѣю всѣ данныя, чтобы ихъ получить. Фотогр. картинка не пришло. 8 почт. отд. пред. купона № 06679. 4545

Венерич. Сифил., моч., кож., элект. Докт. сиециалист. 10—12 д. 6—10 в. Владимірскій, 6 (уголѣ Стремяной) кв. 1. 30 29550-12

Ножки-крошки.

Мой взоръ—онъ правильнѣйшій цѣлитель И отъ хандры и отъ заботъ... Аут! откликнись цѣлитель Извѣстныхъ женственныхъ красокъ. Отъ темноты до самѣйш. плетокъ Все элагантно, все антикъ. На всеъ оставилъ отпечатокъ Природный неподдѣльный шикъ. Ну словомъ—какъ модель для Ворта Или для художественныхъ темъ. Пустьъ памяти для ком. форте Ищу знакомства я... но съ кѣмъ? № 226. Нового журнала инт. иск. науки. 31094

Акушерка.

Невскій, 82, кв. 69. 15 29313-14

ОНЪГИНЪ.

Письма не оказалъ, объясню 6-го вч. въ 1 ч. пройдете въ гостиную я попойду. 31092

ПЕРЕЛОЙ (трипперъ и сифилисѣ ежд. съ 8—1 ч. у. и 6—11. Николаевская, 42. Д-ръ Троке. 15 30590-3

Дѣвъ интел. бар.

муз., брн. Е. 23 с., блонд. М. 18 л., жел. позн. съ сост. господ., кот. мож. оказ. поддѣрку, по жел. фот. кар. буд. прис. кот. на побѣду въ Петерб. Въ гор. Ревель, Широкая ул., 12, Е. и М. Лутенъ. 30707

ИЗЛЕЧИМОСТЬ СИФИЛИСА какъ можно излечить легко сифилисѣ въ самый коротк. срокъ д-ра мед. Т. М. Шульмана. Цѣна 30 к. складъ изданій у Автора Загородный пр. д. 23 кв. 2. 20 29114-16

МАРУСЯ

Вы забыли написать адресъ. 11 почт. отдѣл. пред. 50 р. кр. № 739140. 31044

ВОЗНЕСЕНСКІЙ пр. 43, бл. Садовой мочепол., вен., сиф., кожн., элек., утергоскопий. 8—1 л., боскъ 8—11 у. Дам. отг. Д-ръ Сттингеръ. 15 30606-3

ЗА СТАРАГО состоялся господин. скромн. нуждающ. дѣвица. 5 почт. отд. до востр. V. L. 016502. 4493

Интел. вдова

сред. л., симпат., добр. хар., совершенно один., имѣющ. свою уютно обстав. кварт. въ центр. города. жел. уступ. частъ елиодн. интел. господину со средст., или обесп. пенсією, для совмѣст. хозяйства. До востр.: 44 почт. отд. деграфное отдѣл., предъвѣстелю 1 р. № В. О. 016502. 4493.

Убѣжище Роговой прин. берем. и рож. угодн. комн., ванна. Казанская д. № 26, кв. № 50, 2-й подъѣздъ отъ Гороховой. 17 4528-1

Вполнѣ обезпеченая

немолодая особа желаетъ знакомства съ интеллигентнымъ господиномъ, не моложе 45 лѣтъ съ небольшими средстами или пенсією, согласна и въ бракъ. 14 почт. отд., предъав. кв. «Пет. Газ.» № 31111. 31111

Д-РЪ ВАЙНШТЕЙНЪ.

Ул. Гоголя, (Мал. Морская), д. 13, кв. 22. Специально по сифилисѣ, венер., мочеполов. (бол. пузыря, половая слабость, электр.) Ежедневно 9—12 и 4—9. Женщинъ 12—2. 4 30880-1

Здор. сим., инт. 25 л. малор., шат. обезпеч. жел. знак. симп. инт. особы 35—45 л. обесп. честн. Полн. тайна. Ниж. вокз. Лѣт. 6. б. 31115

Сифилисѣ, мочеп., кожн., горла, носа. Ежд. 8—12 и 4—9. Женщинъ 12—2. 4 30887-1

НЕ ФЛИРТЪ, а

помощника ищущ. не пошлаго, а доброг. отзывч. человекъ симп. молод. вдова, безъ всякихъ средствъ. Помогите кто чѣмъ можетъ буду признат. на серьезн. отзыв. Пріимл. адресъ на личн. свиданіе не хочу. 48 почт. отд., пред. почт. почт. кв. № 53. 31116

Спеціальная лѣчебница. Сифил., венер., кожн. Разъѣзжая, 15, кв. 17. Пр. 9 ч. у. до 10 в. Сов. 50 к. 15 38085-15

Инт. госп. 30 л.

бронетъ желать-бы женится на барышнѣ или молодой вдовѣ, съ приданымъ не менѣе 10-ти тысячъ, говорятъ очень недурной, желат. фот. картинка, которую возвращаю. Только серьезно. 11-е почт. отд., предъвѣстел. жетона съ букв. М. В. В. 31075

Метранпажъ стоялъ растеряннымъ, убитымъ. А Николай Сергѣевичъ высочайшимъ флажолетомъ развлекъ: — Какъ вы осмѣлились такъ глумиться надо мною! Вы убьете меня! Кто же будетъ давать теперь намъ марьяжныя объясненія!.. Ни одна интересная блондинка, ни одна молодая крошка, ни одинъ чертенко! Процай Марся, возки-крошки, посредница, чудная блондинка... Тщетно метранпажъ пытался, слабо пытался оправдаться. — Всѣ эти объясненія были набраны для одного номера!.. Стояли рядомъ!.. А кто то, пока я обѣдалъ, ихъ переставилъ!.. А можетъ быть они случайно такъ перепутались!.. — Перепутались! Случайно!.. Что вы меня морочите!.. Въоротню въ чторую въ ваше отсутствіе приходилъ Шебуевъ и продѣлалъ эту штуку!.. Ему это надо для его анкеты!.. Для него это—иллюстрація къ половому вопросу!.. А для меня это... зарѣзъ!.. Николай Сергѣевичъ былъ такъ сильно раздраженъ, что метранпажъ не ружался за себя. И со страху проснулся. ГРАФЪ БЕНГАЛЬСКІЙ.